

Марат Шахманов

УЛИЧНЫЙ
КЛАССИК, ИЛИ
ЗАПИСКИ
НА КОЛЕНКЕ

Нон-фикшен 88%

Марат Шахманов

**Уличный классик, или Записки
на коленке. Нон-фикшен 88%**

«Издательские решения»

Шахманов М.

Уличный классик, или Записки на коленке. Нон-фикшен 88% /
М. Шахманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859451-9

На первый взгляд сборник прозы состоит из несвязанных между собой многочисленных историй, рассказов, авторских записок, сюжетов из жизни реальных людей, антиутопий, и всё же большинство текстов отражает собой стремление автора поделиться невыдуманным, прожитым, увиденным или услышанным лично. Я живу, я смеюсь, я борюсь — без этих свойств, действий, любое слово (книга) теряет смысл, благодаря им — может вдохновить на Новое...

ISBN 978-5-44-859451-9

© Шахманов М.
© Издательские решения

Содержание

Уличный классик	6
Читателю от автора	6
Как проехать всю Европу со свежим номером «Deutsche Zeitung»	7
Премия «Вязаный Чулок»	10
Редактору от автора	14
Бегущие от себя	15
Неудавшийся штурм	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Уличный классик, или Записки на коленке Нон-фикшен 88%

Марат Шахманов

*Юмор переносит душу через пропасть и учит ее играть со своим
горем.*

Л. Фейербах.

© Марат Шахманов, 2018

ISBN 978-5-4485-9451-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уличный классик

Читателю от автора

Порой ты не знаешь, что предложить читателю. Это, как дневное меню, хочешь, чтобы ему было вкусно, чтобы ему понравилось, а ему, наоборот, то солоно, то горько, то, вообще, тошнит от твоей стряпни. Что ж, простите автора за несовершенство. Если бы автор был поваром, то обязательно приготовил для вас самые вкусные и сладкие блюда, но в том-то и дело, поэту не всегда удаются медовые десерты, иногда в нём пробуждается тяга к жгучим перцовым приправам, которыми он сдабривает свои малоудобоваримые блюда; и тогда, прости, читатель, ты был прав, когда намеревался соблюсти диету и предпочесть голодание столь острой пище. Поэт не идеален, автор не совершенен, вопреки своему антагонисту – идеальному, наисовершенному миру, в котором мы имеем счастье жить. Хвала Прародителям!

Но отнюдь не каждую открытую книгу следует читать, даже если уведомление в правом верхнем углу твоего фейсбука предлагает тебе перейти по ссылке. Однако я, как и любой автор, буду рад, если ты не откажешься разделить вместе со мной мою скромную, пусть и далеко не самую роскошную трапезу. Надеюсь только, что любая частица того, что называется духовной пищей, пойдёт на пользу вкушающей её душе, и ни в коем случае не станет причиной даже самого лёгкого отравления её драгоценного организма.

Рад тебе, мой читатель, даже больше, чем ресторатор рад своему старому богатому клиенту, а ювелир своему преданному заказчику, ведь автор не зарабатывает на тебе ни денег, ни рейтингов, не просит от тебя ни лайков, ни восторженных отзывов, лишь ожидает от тебя внимательного прочтения, иначе он никак не сможет называть тебя своим любимым читателем, ценителем и критиком, с кем он ведёт свой бесценный мысленный диалог на страницах этой книги.

И как говорил француз Пьер Буаст: «Никогда не шутите иначе, как с умными людьми».

В дорогу!

Переезд, переезд, переезд. Переезд всегда обременителен, и не только из-за необходимости «транспортировки» своих пожитков на новое место жительства. У некоторых особые сложности вызывает сам факт глобальной пертурбации, затрагивающий, прежде всего, сознание, планомерно следующее к новой точке невозврата, к новому бытию, пытающемуся определять его (сознания) состояние. Раздражение вызывают и вещи, особенно те, которые давно уже вышли из эксплуатации, но всё ещё упрямо занимают место в твоём гардеробе, в надежде завтрашним днём не оказаться на помойке или на немывтом месяцами теле какого-нибудь нереспектабельного бомжа. Но желание избавиться от ненужного, хоть и дорогого когда-то сердцу, балласта, сильнее, лозунгов в стиле: «в хозяйстве всё пригодится!»

Как проехать всю Европу со свежим номером «Deutsche Zeitung»

Один наш знакомый рискнул проехать всю Европу от самого Севера Германии до самого её континентального края, с несколькими сотнями в кармане, без визы и паспорта и, с весьма подорванным в результате долгого лечения, здоровьем.

Удачно осуществив это эпохальное путешествие, он решил поделиться своим опытом с теми, кто нуждался в нём. Так как наш знакомый был достаточно эмоциональной по природе натурой, а также наделён богатым воображением, его рассказ вылился в целое посвящение странникам и путешественникам, волей судьбы оказавшимся в дороге.

– Итак! – начал он, – прежде всего вам нужно будет приобрести «*Schönes Wochenende Ticket*» (недельный билет), который даёт возможность передвигаться по выходным вдоль всей территории родины Бисмарка и Гогенштауфенов. Взяв его, без лишних раздумий отправляйтесь в путь, положившись на волю судьбы и собственную удачу.

Только в пути придётся сделать, как минимум семь-восемь пересадок, пока волшебный «тикет» не приведёт вас напрямик к границам восточной империи, успешно аннексированной в своё время самым великим и ужасным из австрийцев, воцарившимся на «большой земле». Вам придётся оббежать множество вокзалов, пока вы не пересечёте административную границу (гренце) Баварии, и не окажетесь в приграничном с Зальбургерланде городке.

Дальше поезд не пойдёт, так как недельный билет действует только внутри территории страны. Но можно сесть и на другой «цуг» (поезд), только билет приобрести обычный. Однако не спешите садиться в поезд, добравшись до Фрайласинговского вокзала, если не хотите нарваться на проверку документов в одном из вагонов, в котором вы нервно будете делать вид, что читаете свежий номер «Deutsche Zeitung»¹, а на вопрос: «Bitte, ihre Ausweiss!»², оглядываться по сторонам в поисках запасного выхода. Шучу. Берите лучше такси, и за двадцать евро вас отвезут прямо до Зальцбурга, до Моцартштрассе к окнам той самой моцартовской квартиры, облепленной глазастыми туристами, а ещё лучше до Хауптбанхофа³, откуда вы, если успеете, доберётесь, опять-таки с пересадками, до самого города Инсбрука, что на границе со страной вашей мечты – родиной Микеланджело, Челентано и Орнеллы Мути.

Одно замечание: старайтесь пересекать границу днём, одевайтесь при этом в самое лучшее, не забудьте отдохнуть, побриться и всегда имейте при себе внушительного вида книгу, желательно, на немецком языке. Сойдёт и газета, старый добрый номер «Дойче Цайтунг».

Итак, вы на пути в Болонью, итальянские Альпы вас особо не привлекают, так как вы уже не хотите смотреть в окно, где всё ещё бродит призрак вокзального карабинера в поисках внутриевропейских перебежчиков. Из города болонки и болоньевых курток вы добираетесь по железной дороге до Милана, где полюбовавшись на раздетых в «гуччи» и «армани» итальянок, покупаете билет, нет, не на автобус, без документов вам его не выпишут, – правильно, используете всё тот же пролетарский вид транспорта, и доезжайте (обрадую, снова с пересадкой) до приграничного городка Вентимильи. Если вам повезёт и вас не заберёт местная поли-

---

¹ Немецкая газета – («Дойче Цайтунг»).

² С немецкого: «Пожалуйста, ваши документы!»

³ Hauptbahnhof – главный вокзал.

ция, то в 6.00 утра за вами прибудет потрясающий экспонат, гордость французских железнодорожных линий, эдакий картонный паровозик со съёмки фильма «Фантомас», на котором, могу поспорить, сам Луи де Финес гнался за неуловимым преступником.

И вот на ретро-поезде *a la de Fines* вы въезжаете не куда-нибудь, а в самую Ниццу, жемчужину Средиземноморских курортов. Со спортивными сумками наперевес вы спешите к камерам хранения. Оставив вещи в надёжном месте, вы покупаете билет до Барселоны и спешите совершить круг почёта по Ницце, ограничивающийся периметром площади, окружающий центральный вокзал. Неважно, что недолго, но зато вы были в Ницце, зато вам улыбались симпатичные француженки, а привлекательные эмигрантки провожали вас любопытными взглядами.

Ну, всё, побыв в Ницце, перекусив в бистро близ вокзала, потянув время за компом в интернет-кафешке, вы садитесь на скоростной поезд и мчитесь...

– В Барселону? – обрывали его нетерпеливые слушатели, которым видимо уже не терпелось оказаться на солнечном берегу Жемчужины Каталонии.

– Неет, не в Барселону, а в Монпелье! – опускал он их на землю.

И только потом, сделав ещё одну пересадку, вы отправляетесь «конкистадорить» неведомую Испанию. До вашей Терра Новы остаётся совсем немного, вам кажется, вы уже на родине Сервантеса, но Франция никак не желает уступать свои владения своей извечной сопернице, – и тянутся без конца водянистые французские поля вплоть до Сербера, расположившегося в уютной бухте, окружённый горной возвышенностью угрюмых Пиренеев.

Слезайте в Сербере! Слезайте там, если не хотите, чтобы вас сняли с поезда испанские пограничники и не отправили вместе с остальным весёлым людом обратно во Францию, где злая женщина в погонах пригрозит вам тюрьмой, если вы сейчас же не уберётесь туда, откуда приехали.

Разочарование во взгляде слушателей несколько не смущало его, и он также весело продолжал.

– Понимаю ваше недоумение. В каких-то километрах от заветной цели вы вынуждены остановиться, склонить голову пред стенами непокорных пиренейских крепостей и отступить. Судьба Наполеона осталась к вам равнодушна. Не отчаивайтесь, соберитесь духом, расправьте плечи, вдохните побольше воздуха в свои лёгкие, подумайте о подвигах, какие совершали великие люди, и вызовите такси. Да, такси фирмы «Россинант» или какой другой, главное, чтобы оно было испанским, потому что французы ночью не повезут, ночью они почему-то спят. Найдите себе попутчиков, желательно испаноговорящих, так вам выйдет надежней, а язык (*la lengua*), он, как известно, и до Барселоны доведёт...

Вы поймёте сразу, что вы в Испании – по тому, как молодые люди отдыхают по вечерам, «кучкуясь» то там, то здесь в поисках шумных развлечений. Что-что, а шуметь испанцы любят и умеют, это их яркое достоинство, отличающее горячих «эспаньолес» от других европейцев.

Но мы отвлеклись на дела праздные, а впереди уже – обрадую вас! – госпожа Барселона: её нескончаемые улицы, пёстрые такси, спешащие люди и большой автовокзал. Оттуда, если вам туда,... вы едете на автобусе в направлении Валенсии и Аликанте, а если нет, то Малаги или Севильи, Мадрида или Бильбао. В общем, куда ваша душа пожелает. Здесь вам уже нечего опасаться, особенно проверки документов, потому что вы на родине Странствующего Рыцаря

самого сеньора Эль Кихота, который продемонстрировал всему миру чудеса отваги и благородной безрассудности.

Оставляя вас в завершении вашего увлекательного вояжа, скажу напоследок:

Следуйте бескорыстному, беззаветно преданному, выдуманному мечтам и возлюбленному образу, пути лучшего из испанцев. Обходите только глупых людей, пьяниц и ветряные мельницы. И хотя это уже другая история, и она никак не вписывается в маршрут моего настоящего путешествия, скажу: ветряная мельница подобна пьяному человеку, машущему своими неуклюжими лопастями и перемалывающая в своих жерновах зёрна и плевела прожитого дня, отдавая муку, полученную из них, на волю ветра. Не бросайте своих зёрен на крыльцо трактира, где каждый второй после всякой выпитой порции становится призраком, способного свести вас с ума. Одним словом, не сражайтесь с ветряными мельницами, вам их всё равно не победить!...

Итак, дерзайте, друзья! Пусть подвиги великого рыцаря освещают ваш путь, и пусть семена ваших зрелых чувств ложатся только на благодатную почву, которую не унесёт лихой ветер и не спалит зной.

– Adios, amigos! Mucho suerte por la camino grande!⁴ – напутствовал он в финале своих слушателей.

Да, и не забудьте выбросить в урну «Немецкую газету», в последнее время немцев развелось на юге Европы больше даже, чем во времена Ремарка. Избавьтесь от этого, безусловно, занимательного чтива, хотя бы просто для того, чтобы вам не было неловко, если вас вдруг спросят: «Was sagt denn heute «Deutsche Zeitung»?»⁵

2011

---

⁴ С испанского: «Прощайте, друзья! Удачи вам в великом пути»!

⁵ С немецкого: «О чём вещает сегодня „Deutsche Zeitung“?»

Премия «Вязаный Чулок»

Не зря я сегодня зашёл в офис к Карине. Прочитав мои стихи, она предложила опубликовать их в каком-нибудь местном немецкоязычном издании.

– По крайней мере, парочку стихотворений мы точно опубликуем. – подмигивая мне, с оптимизмом заявила она.

– Что ж, я не против, – послушно согласился я.

– И, кстати, сегодня вечером в литературном кафе пройдёт конкурс литераторов. Адрес я тебе напишу, сходи, поучаствуй. Правда, все авторы местные австрийцы, но ничего, как говорят в России, – главное не победа, а участие.

«Откуда она знает этот девиз», – подумал я, вновь согласившись с её предложением.

– Хорошо, я схожу.

– Вот адрес, – сказала она, протягивая мне листок, – спроси Верену и Кристофа, их группа организует сегодняшней вечер.

Волнуясь, я стал готовиться к предстоящему сражению. Читатель, вероятно, подумает, что я стал наизусть заучивать свои стихи и поэмы на немецком языке, читать их вслух, судорожно редактировать тексты. Но нет. Взяв свои бумаги, скрутив их, словно свиток ваганта, я отправился в общежитие, где жили мои знакомые. Не обнаружив ничего выпить и покурить, кроме продаваемого лёгкого табака, скрученного в обрывок какой-то немецкоязычной газеты, я отправился на поиски кафе, представлявшегося моему воображению приютом для странствующих поэтов. Так как денег с утра у меня не было ни цента, я пошёл пешком. Кафе располагалось в центре Линца, в старинной его части. Возможно, где-то именно тут кельты основали поселение и назвали его Лентос, которое затем в военно-оборонительных целях освоили римляне, искажив название до неузнаваемости, придав ему более поэтическое звучание – Ленция. Со временем город стал называться коротко по-немецки – Линц. Вполне симптоматично, что в годы аншлюса он стал образцовым городом Третьего Рейха.

Отыскав литературное кафе, расположенное на одной из улочек Старого города, я вошёл внутрь. Внутреннее убранство кафе на первый взгляд ничем не отличалось от многих других городских заведений. Сразу у входа находился бар. В глубине кафе располагалось просторное помещение, вдоль стен которого, стояли деревянные столы и стулья, а в углублении возвышалась небольшая, хорошо освещённая сцена. Всё выглядело достаточно уютно. Вскоре отыскалась Верена. Мы поприветствовали друг друга и разговорились. Оказывается, Карина предупредила её о моем приходе. Я узнал от неё, что участники будут состязаться в различных литературных жанрах – от поэзии до прозы. Из иностранцев буду один я, остальные жители Линца и предместий.

– Да это же турнир вагантов! – неожиданно воскликнул я.

– Вы сказали! – рассмеялась девушка в ответ. – Только в Австрии и в Германии вагантов принято называть шпильманами. Но вы можете, если вам угодно, называть себя вагантом. Кстати, а как в России зовутся ваганты?

«Хороший вопрос», – подумал я, не зная, что ответить на него. Пока я вспоминал всевозможных персонажей из русско-кавказского фольклора, Верена стала раскладывать по столам какие-то буклеты, одновременно общаясь с кем-то из подошедших официантов.

Если английские ваганты – это менестрели, французские жонглеры, а немецкие шпильманы, то я так и буду зваться – вагантом – «странствующим», так как за годы скитаний по землям Европы я вдруг осознал, что начало моих странствований уже давно позади, а финал скрыт за бескрайним, недоступным земному взору горизонтом.

– Ну, вы вспомнили, как в России именуют вагантов?

– Вагантами, – непринуждённо ответил я.

Девушка удивлённо посмотрела на меня сквозь толстые стекла очков и весело рассмеялась. После этого я уже несколько не чувствовал себя скованно, хотя волнение продолжало накапливаться. И это было даже не волнение, а некое возбуждение, какое бывает перед боем или важным экзаменом.

Наконец, зрители и участники стали собираться. Вскоре помещение было заполнено до отказа. После оглашения приветствия гостям, начались чтения. Словно кадры киноленты проносились у меня перед глазами, погружённые в свои писания лица линцевских авторов. Я заметил, что в зале царил некоторая скука и в то же время ожидание чего-то неожиданного. И вот, неожиданное появилось. Никто не ожидал увидеть здесь в логове австрийских графоманов (прошу прощения, возможно среди них были и профессиональные литераторы, мне сложно судить, но в таком случае, я буду вынужден признать, что сражался с самыми что ни на есть серьёзными соперниками... однако я забегая вперёд) – русскоязычного боксёра, пишущего стихи на немецком языке. Меня встретили загадочными, слегка удивлёнными взглядами. Разложив перед собой свои письмена, я оглядел публику и заговорил на языке Гёте и Хайдеггера, с заметным русским акцентом:

– Приветствую вас! Скажу вам, что мне, наверное, проще выступать на ринге, чем сейчас перед вами...

Зрители с недоверием разглядывали меня, ожидая, вероятно, не самой удачной для меня развязки.

Я вкратце рассказал о себе, о том, что побудило меня попробовать писать на иностранном языке, откуда я пришёл и, чем собираюсь поделиться с ними. Затем я начал читать. Я прочитал им стих, который назывался «в поисках Грааля» («Auf der Suche nach dem Gral» 6.10.2004). В моей памяти отрывок из него звучал так:

Ich gehe fort... Wohin? Egal!
Nach Norden und nach Westen...
Ich werde suchen Seinen Gral,
lass Leute mich vergessen.
Dort der Ritter Titurel
erschafft die Grosse Stadt —
majestaetische, ohne Fehl —
si heisst – Monsalvat!

В переводе это означало: «Я уйду. Всё равно куда. На Севере или на Востоке я буду искать Грааль. Пусть люди забудут обо мне. Там, куда я держу путь – Странствующий Рыцарь Титурэль воздвигает величайший Город по имени Монсальват...»

И тут мной овладело чувство, которое являлось ко мне, когда мне хотелось написать что-либо сверхважное, без разницы на каком языке. Я читал, понимая, что мои вещи явно не дотя-

гивают до высокой литературы, но мысль, облечённая в несложную форму, была искренней и обнажённой, как сталь рыцарского меча, рассекавшего полночную мглу. Я прочитал ещё с десятков стихотворений и уступил место следующему по списку любимцу муз. Наконец, пришло время определения финалистов. Главным критерием оценки выступлений являлся выбор зрителей. Кому из участников доставалась большая доля аплодисментов, тот и побеждал, проходя в финал. Определял уровень силы аплодисментов специальный прибор под названием «шумомер» или «Schallpegelmesser» по-немецки. В результате, оказалось, что больше всех ладони зрителей на шумели в пользу нескольких участников, в число которых, к большому моему удивлению, попал и я. Впереди ждал финал.

Я вспоминал, что в мыслях говорил Аннете, там, на берегу Восточного моря или Ostsee, как называла его она. Я говорил ей, прощаясь с ней навсегда...

«... Первый миг любви – есть подлинное счастье и воспоминание о нём, – просветляющее душу наслаждение, но и, сводящее незрелый разум с ума, чувство.

Он вспомнил её, и в этом была драма его любви. Тепло её души ворвалось в него, отогревая оледеневшее от страданий и одиночества сердце. Одновременно тоска и радость охватили его. Радость по воскресшей из небытия любви и тоска о неизбежной разлуке с той, что даровала ему мгновения покоя. Он боялся потерять её, а с ней, те драгоценные ощущения, которые он испытывал, когда-то очень давно, которые превращали его жизнь, его детство в светящийся океан счастья.

О, это лишь утешение перед ожидаемой тоской, прелюдией приближающейся разлуки. Утешение, возрастающее в самозабвении и открытости сердца всему тому, что должно было всколыхнуть его, подобно разрывающим береговую гладь, волнам...»

Теперь я рассказывал им, людям, сидевшим напротив сцены, историю моей встречи, которая казалась для них сказкой, нереальным мифом. Хорошо, что моя история, моя любовь была лишь мифом для них, иначе бы они не смогли в неё поверить. А в сказку люди охотно верят и это замечательно. Я делился с ними сокровенными чувствами на их языке, и они понимали меня. Они слышали, звучащее из моих уст имя, видели её сияющую тень, оставшуюся там, на Севере, у порогов спящей Скандинавии.

Я пел им о неизбежном Германском мифе, о моём Асгарде, о воскресших валькириях, и они слышали меня.

«... С разлукой, мир вокруг поблек. Мир вновь стал обыден, а в этой обыденности – смертельно опасен для души.

Но в сердце уже цвел тот Цветок, – семя которого было принесено из сада Небесной Обители одной из воплощённых дочерей Валькирии...»

...Зал поочередно упражнялся в овациях. Буду откровенен – ни о какой победе я и не помышлял. Мои мысли находились сейчас далеко, там, где я оставил их несколько месяцев назад, тех бесконечных месяцев...

Я вернулся в себя, когда произнесли моё имя, когда зал стало трясти, не то от хохота, как мне казалось, не то от восторженных криков. Schallpegelmesser зашкаливало. Аплодисментов по мою душу (измерявшихся в децибелах) оказалось больше, чем у остальных финалистов, а это значило, что публика выбрала своего победителя. И им был я.

Особенности конкурсов в том, чтобы дарить победителям призы в виде грамот, кубков, статуэток, банковских чеков и других приятных вещичек, а мне вот подарили огромный вязаный чулок, примерно такой, какой носила Пеппи Длинный чулок. Помните эту историю? Да, полосатый вязаный чулок, до верха наполненный монетами, пожертвованными самими зрителями в фонд победителя.

«Что это? Как я это унесу?» – подумал я сразу после того, как мне вручили эту странную, но необыкновенно приятную вещь, позвякивавшую в своём теле монетами разного достоинства.

Я предложил угостить всех оставшихся в зале гостей вином или пивом, но мой искренний жест не был оценён по достоинству, люди отказывались пить за чужой счёт. Зато не отказались организаторы турнира, но и то, как мне показалось, чтобы поддержать компанию. Общаясь с новыми знакомыми, я не заметил, как выпил свой бокал вина, а следом и бокал Верены, которая до этого упорно отказывалась пить. Поняв, что совершил оплошность, я предложил ей новый бокал, но она, едва скрывая недоумение, вежливо отказалась. Мне до сих пор неудобно перед Вереной за тот выпитый бокал вина, хотя после этого вечера я больше никогда о ней не слышал.

Но в тот момент я на всех порах спешил в своё логово, чтобы разбудить других волков, оставшихся в этот день без пищи и питья. В общей сложности мы насчитали что-то около семидесяти евро, позволившие нам отпраздновать победу моей лиры над шпильманами Восточного рейха и прожить следующий день, не думая о послезавтра.

Я был рад тому, что судьба доставляла мне в те дни не только сплошные неприятные сюрпризы, но хоть и редкие, зато весьма приятные, – как эта моя победа в сражении под Лентосом.

7.06.2015.

Редактору от автора

Отправляю часть рассказов в жанре нон-фикшн, некоторые из которых в качестве отдельных глав планирую ввести в роман, в котором, исходя из личного опыта, описываются события разных лет с участием героев, волей судьбы оказавшихся в незнакомой прежде среде и жизненных условиях.

В последнее время обострилась актуальность темы мигрантов и беженцев, вылившаяся в глобальную общеевропейскую проблему. Однако эти процессы начались задолго до последнего потока беженцев, заполонивших старушку Европу. В преломлении жизненных историй обычных людей политизация любого негативного процесса, в том числе массовой миграции, выглядит иначе, чем передают СМИ, поэтому в любой теме необходим иной взгляд на проблему, и, вероятно, взгляд художника, писателя может раскрыть читателю больше, чем те же «говорящие ящики» (а они идентичны практически в любой стране), вещающие в русле той или иной политической конъюнктуры.

Отправляю свои тексты, понимая, что данная литература, отнюдь не является полезной, в утилитарном смысле, или модной литературой. *Describo lo que veo, lo que siento, lo que recuerdo...* (Описываю то, что вижу, то, что чувствую, то, что помню...). При этом уважение чувств и человеческих взглядов других людей, как и собственных ценностей и прав, остаются главным принципом работы с информацией, касающейся тех или иных сторон приватной жизни.

Бегущие от себя

Он прибыл в Мафенхауз поздно вечером. Точнее, конвой из двух полицейских доставил его на автомобиле, в расположенный на окраине Ризенбурга лагерь временного содержания для иностранных граждан. Это была его очередная остановка на пути к Северной границе. Сдав его администрации учреждения, полицейские оперативно удалились.

«Надо было попасться им в руки перед самым отъездом, – огорченно вздохнул он, – теперь сиди тут в лагере».

Подписав какую-то бумагу, узаконивающую дальнейшие отношения с администрацией, он направился в жилой блок, где его должны были поселить в одну из множества комнат.

Идя по тёмному коридору, он смутно улавливал еле заметные силуэты обитателей лагеря. Будучи не в состоянии разглядеть их лиц, терявшихся в густой темноте коридоров, он силился понять, кто все эти люди, сновавшие вдоль стен жилого блока, выныривавшие из его чёрных дыр и вновь исчезающие в его потайных углах и дверных проёмах.

И только разглядев, что на фоне расплывчатых мглистых силуэтов их лиц, на месте, где анатомически должны располагаться рты, сверкают ослепительно белые линии зубов, он догадался, что его подселили в дружную семью африканских народов, волею судьбы оказавшихся за пределами родного континента. Постепенно нарастал гул, доносившийся из глубин гортаней африканских братьев, напоминая трубный глас коллективного чрево вещателя, зазывавшего разрозненное племя на войну с чужаком. Тут, конечно, автор преувеличил, несмотря на скрытую воинственность в поведении белозубых силуэтов, их обладатели сами заметно побаивались пришельца. Неожиданно в коридоре посветлело, и он смог, наконец, видеть своих новых соседей, различать едва различимые черты их удивительно похожих друг на друга лиц.

– Хай, мэн! – приветствовали его некоторые из них.

– Ей! – раздавались откуда-то звонкие, нахальные женские голоса.

– И вам хай, – отвечал он, напоминая самому себе путешественника, заблудившегося в труднопроходимых африканских прериях.

– Вот цап! – кричали другие, протягивая ему свои мрачного оттенка руки.

Неизвестно откуда вынырнул молодой человек смугловатой внешности, на фоне темнокожих людей казавшийся настоящей белоснежкой. Он оказался работником лагеря, бывшим, как говорили тут, азулянтом, прибывшим в Германию из Ливана и, получившим статус беженца. Заговорив на ломаном немецком, вернее, на одном из его говоров, популярном в эмигрантской среде, в силу его, видимо, смягченных шипящих звуков, меняющих «хождойчевское» «ихь» на более душевное и миролюбивое «ишь» (принятое в употреблении в Нижней и Верхней Саксонии), – араб постучался в одну из дверей и, не дождавшись ответа, открыл её.

– Тут живет твой земляк, из... Казакистана... Его зовут Джонни.

«Мой земляк Джонни из Казакистана», – произнёс Артур про себя и усмехнулся.

– Он, наверное, сейчас у других земляков, – сказал араб, показывая ему его койку.

– Тоже из Казакистана? – кладя на пол сумки с вещами, спросил он.

– Нет, из Молдавии. Ки-ша-нев... Знаешь такой город?

– Да, конечно.

По всей видимости, он все про всех тут знал и ему не составляло труда вычислить, где сейчас находился и чем занимался Джонн и прочие «его земляки».

– Они, ну, твои земляки, говорят: Советский Союз распался в Москве, а тут в Германия он объединился.

Чрезвычайно довольный своей шуткой, араб улыбнулся, обнажая свои белые зубы, далекие, правда, от той белизны, которой африканцы освещали мрачные коридоры немецких барачков.

Вскоре он ушел. Наступило молчание. Лишь гул многих голосов, тягучим пением доносившийся из коридора, напоминал ему о том, что он не в санатории Ессентуков или Кисловодска и не в московской гостинице, а в самом настоящем лагере, забитом до отказа беженцами из третьих, четвёртых, а то и пятых стран, если таковые, вообще, значатся в мировой таблице о рангах. Сейчас, когда его первоначальный порыв был сбит знакомством с немецкой «азулянтской» системой (термин «азулянтский» не вполне литературный, но вполне обиходный, и мы его будем употреблять в дальнейшем, как некое кодовое слово в этой среде), он пытался понять, зачем он тут. Почему, вместо литературной кафедры Хайдельбергского университета или спортивного зала клуба «Универс», или хотя бы комфортабельного отеля на берегу хрустальных озёр Скандинавии, он находится в этом странном учреждении, где прежде (как он узнал уже позже), располагалась лечебница для душевнобольных. «Лечебница для душевнобольных! Ах, вот почему тут водились павлины и утки в прудах – реликт славного прошлого, – сделал открытие он впоследствии.

Сначала был пункт сдачи на плавучем судне в центре большого немецкого города К., откуда людей распределяли по всей Западной Германии, и где ему в очередной раз раскрылась звериная природа человека. Теперь психолечебница, а следом, наверняка, какие-нибудь брошенные американскими солдатами казармы... Ну, по крайней мере, так должно было быть по закону жанра, так, в общем-то, и произошло.

Во всей этой истории нам важно не само пребывание нашего героя в лагерях временного содержания (где люди задерживались по году, а то и по два, ожидая решения (чуть не вышло – «суда») по их делу), а кривая геометрия его пути, с признаками иррациональной парадигмы. Ведь подобный путь – не дистанция жизни среднестатистического офисного работника, не туристический маршрут, пусть, и в самых экзотических его видах, не карьерная поступь чиновника, осваивающего с пользой для государства, его же государства средства, – это тот путь, который вряд ли нормальный человек пожелает своим детям, но который всегда будет втайне мечтать пройти сам, потому что, чтобы понять жизнь, понять людей надо спуститься в один из подобных кругов ада (здесь мы употребляем символическое, а не метафизическое значение этого слова), преодолеть его и столкнуться с различными испытаниями, которые тебе приготовила судьба.

Возвращаясь в мыслях к кораблю, он вспоминал эпизод, когда в его, с позволения сказать, каюте несколько ночей подряд прятался один страшно запуганный эфиоп-христианин. Прятался от таких же, как и он беженцев, не то албанцев, не то курдов. Напуганный до смерти, он с криками влетал к нему в каюту и садился на стул напротив его (если следовать и дальше флотской терминологии) шконки. Не понимая ни слова, ни на немецком, ни на другом знакомом ему языке, худющий, как бамбуковая трость эфиоп, выпячивал на него свои огромные пустые глаза и продолжал кричать, но теперь уже совершенно беззвучно, от чего, как это ни странно, просыпался лежавший на втором ярусе соседней койки босниец Исмет. В очередной раз, заметив, дрожащего на табурете незваного гостя, босниец обрушивался на него с ругательствами, какие только знал, пытаясь напугать его ещё больше. Не, думаю, что мой сосед был

жестоким человеком, наверное, ему так было легче подавить в себе чувство жалости и огрaдить себя, тем самым, от нежелательных разбирательств с гонителями несчастного эфиопа. В этот момент он вспомнил Алешу из садика, которого он изо дня в день вынужден был защищать от агрессивных детсадовских мальчиков. Он не очень любил это чувство жалости в себе, но оно было сильнее него. Поэтому он и давал сейчас прибежище этому загнанному в угол эфиопу, куда после короткой стычки с нашим героем, его яростные преследователи не смели входить. Хотя босниец и утверждал, что эфиоп разыгрывает из себя жертву, чтобы получить более хорошее место по распределению, его это не волновало, он видел ситуацию такой, какой он её видел здесь и сейчас. Вообще, судно, особенно по ночам, напоминало ему корабль-призрак, севший на мель где-то у берегов Рейна, а его обитатели, на потерявшихся во времени каторжников, перевозимых с острова на остров.

Новый лагерь, хоть и располагался на твердой суше, но, по сути, ничем не отличался от предыдущего, да, вероятно, и от всех остальных. Везде царило одно и то же равнодушие и плохо скрываемое презрение администрации к незванным (хотя, если смотреть с позиции концепции мультикультурализма, локомотивом, которого являлась на тот момент Германия, то очень даже желанным) гостям. К тому же все эти программы по приёму беженцев финансировались такими организациями, как ООН, Красный Крест, что-то выделялось по линии бюджетов самих государств, добровольно изъявивших желание принимать на своей территории «несчастных беженцев». Если раньше, во времена Третьего Рейха, Германия силой ввозила жителей оккупированных стран в свои города, принуждала их работать на немецкую экономику, то ныне жители, так называемых третьих стран сами готовы были сдаваться в плен, лишь бы получить пособие или какую-нибудь низкооплачиваемую работу. Но нынешние поколения немцев куда благородней своих предшественников, и условия содержания пленных, то есть, прошу прощения, беженцев, сейчас уже намного лучше, чем в арбайт-лагерях прошлого, и пайка посвежей, и посылтней, и работать не заставляют, а чаще просто-таки запрещают. Одним словом, права на работу ни у кого из них нет, если не считать добровольного лагерного труда за один-два евро в час, зато есть право на безделье и тотальное ничегонеделанье. Видимо, комплекс и коллективная вина современных немцев достигли такой величины, что они решили запретить, пребывающим на азуле иностранцам, работать, чтобы не дай Бог не походить в этом на антитолерантных последователей Третьего Рейха. Однако, на самом деле, причина намного прозаичней; работать в Германии имеют право только немцы, американцы, жители ЕС или турки (у них своя история), ну и те, кто, наконец, вырвался из азулянтского замкнутого круга и получил вожделенные документы, дающие право на кое-какую подработку или получение вакансии самого низкого звена. Остальным априори не дано права пользоваться благами развитой цивилизации, дабы сохранялась разница между высшими и низшими слоями населения. Одни называли это социальным фашизмом, другие кастовым делением, третьи, успевшие получить льготы и паспорта от государственных структур, оправдывали такую политику, называя её методом самообороны.

Так думали те, кто еще не отвык думать и размышлять над собственным положением, месяцами, а то и годами, сидя в стенах лагерей. Следует заметить, что в каждом из таких лагерей для беженцев, действовал свой особый режим, в некоторых из них даже была проведена колючая поволока, пропускные пункты, охраняемые полицией и частной охраной. Сказать, что у обитателей этих «полу-пенитенциарных» учреждений не было никакой свободы нельзя, им разрешалось выходить, гулять по городу и предместьям, отовариваться хоть в бутиках, хоть где (на самом деле не совсем так, администрация лагерей пристально следила на что живут их подопечные, так как воровство в этой среде процветало и считалось чуть ли не достойным занятием), а если не было денег (а их всегда у честного азулянта было мало), то по лагерным купо-

нам в специальных гуманитарных магазинах. Можно даже было съездить в соседний город или в ближайший лагерь к друзьям, если, конечно, расстояние не превышало сорока километров; дальше действовал закон ланд-крайза (ограниченной территории), за нарушение которого был предусмотрен штраф, а при последующих нарушениях, более суровые виды наказания, такие, как тюрьма и отказ от рассмотрения дела, что означало неминуемую депортацию. Но при всей строгости немецких законов в отношении к беженцам, люди жили, встречались, обживались небольшим скарбом, добытым на всевозможных шротах (свалках), женились и рожали детей.

На этом празднике жизни он был чужим. Он не мог приспособиться к порядку, при котором человек, живя в условиях ограниченных возможностей, превращался в искателя лучшей жизни, которая заключалась в обыкновенном вещизме многих тех, кто прибыл сюда из стран бывшего Союза. На их фоне даже африканцы выглядели бессребрениками и менее потребителями, чем кто-либо. Однажды один из сыновей мамы-Африки в телефонном разговоре со своим отцом, отвечая на вопрос, почему, все его товарищи шлют домой деньги, а он не может прислать ни доллара, признавался:

– Да, они тут наркотиками торгуют! Вот, откуда у них деньги! А я-то не торгую! – в сердцах отвечал сын, рассчитывая на то, что отец с одобрением воспримет столь веский аргумент.

К своему удивлению в ответ он услышал:

– А ты, дурак, почему не торгуешь? Торгуй и ты, тогда будут деньги!

Воровство в магазинах и прочие виды незаконного азулянтского предпринимательства абсолютно не прельщали его. В его голове жила одна мысль – реализовать свои способности и найти ту, которая оценит его по достоинству. Может быть, в этом было немало эгоизма, мыслей о самом себе, но по-другому он не мыслил...

Он был человеком спокойного склада характера, несмотря на его увлечения спортом и, порой, грубый нрав, проявлявшийся в различных ситуациях, где, как ему казалось, ущемлялась справедливость. Это чувство справедливости часто довлело над ним, но в стремлении к ней не было ничего от абстрактного протеста, какой движет людьми бузотёрского склада, наоборот, по пустякам и вопреки здравому смыслу, он старался не пылить и сохранять уважение к окружающим. Излишнее самомнение, дерзость и высокомерие в ком-либо, пробуждали в нем врага к носителю этих качеств. Несмотря на опасения, что из небольшой ссоры может вырасти большая (по меркам двух и более человек) война, он всё же шёл на конфликт, на прямое столкновение с обидчиком, когда другого выхода уже не оставалось. По этой причине, вступаясь за кого-то из знакомых, он нередко сам попадал в сложные ситуации.

Первый его день в лагере прошел без происшествий. Он познакомился с земляком Джонни, который был вовсе не из «Казакистана», как утверждал араб ливанского происхождения, а из России, из Оренбургской области. И звали его Иваном.

– А может, он имел в виду, оренбургских казаков? – спросил он уже после у Джонни, чем вызвал его безудержный смех.

Успокоившись, он ответил:

– Наверняка, он что-то спутал с Казахстаном, скорее всего я упоминал, что живу на границе с этой республикой. Но зачёт, мне нравится «Казакистан», что значит, казацкий стан!

После они еще часто встречали араба, который, лишь только, завидев их, восклицал:

– Эй, Совет Юнион, привьет! Как дьяля?

– Интересно, этот араб, произнес такую фразу, – вспомнил он по случаю, – «Советский Союз распался в Москве, а тут в Германии он объединился».

– В какой-то степени, это так, – равнодушно отвечал Джонни.

Я так и звал его Джонни, хотя это было его вымышленное имя, вернее иноязычная форма одного и того же имени.

«Иван остался там, сюда приехал Джонни и то, чтобы заработать батю на лечение», – рассказывал он, будучи подвыпившим. Оказалось, что Иван с самого начала сдавался, как немец из Казахстана, но на интервью его вычислили и вернули в лоно родной нации, отказав в статусе беженца.

– А я думаю, что и создание Союза, и его разрушение отчасти произошло тут в Германии, – продолжал он свою мысль.

– Ну, да, если учесть, кто приложил руку к революции семнадцатого года, и после каких событий стал разрушаться Советский Союз, – заключал Джонни-Иван.

Они сдружились. Джонни познакомил его со всеми, с кем сам общался в лагере. Среди его знакомых были все, и курды, и афганцы, и негры (как он их совершенно без задних мыслей называл), и албанцы, и все те, кого наш знакомец араб лаконично и ёмко именовал «Совет Юнион». Джонни научил его, как подготовить пальцы к снятию отпечатков (обязательной процедуре для каждого вновь прибывшего в лагерь). Нагрев на печке стальные гвозди, он дал ему поддержать их в руках, чтобы изменилась структура отпечатка на пальцах. Переусердствовав, он три дня лечил, вздувшиеся от волдырей пальцы обеих рук. К тому же результат был отрицательным. Заподозрив «афёру», работники дактилоскопического отдела, назначили пересдачу. Но он уже привык к подобным фиаско и не собирался во второй раз испытывать судьбу. Он уже обдумывал дальнейший свой маршрут и план действий, готовясь к очередному снятию якоря. За это время, однако, произошло немало интересных событий, отпечатавшихся в его памяти надолго.

Один из них, который мы вкратце опишем, положительным никак не назовешь, но, значит, была в нём какая-то надобность, раз это событие произошло. И всё же произошло оно совершенно случайно...

Спокойной жизнь лагеря и его обитателей назвать было нельзя, тут то и дело происходили, какие-то ссоры, конфликты, потасовки. Почва для этого была самая, что ни на есть благоприятная. Сплоченные этнические группки, разрозненные полукриминальные стайки, или, как в случае с африканцами, целые (утрирую) племена, просто «клубы по интересам», «семейные дружины» и прочие мелкие лагерные кланы не всегда уживались между собой, нет-нет, да возникали конфликты, перерастая подчас в локальные побоища. При этом охрана лагеря действовала вяло, а полиция приезжала в самом финале, как Красная Армия в советских фильмах, когда исход битвы был уже предрешён.

Угостившись на радостях пакетным вином, что продавал из-под полы своего шкафа иссиня-чёрный негр, имя которого, наверняка, уже не помнит никто из его прошлых клиентов, компания из трёх человек, включая его, Джонни и афганца Фарика свернула по пути в отсек, где жили чёрные братья из дружественного «советскому лагерю» «племени». Добавив в гостях ещё немного «газу», он решил себе пройтись. В этот момент невдалеке от «союзного лагеря» им была замечена небольшая группа «диверсантов» неопределённой принадлежности. Сразу вспомнились годы учений в армии. Он окрикнул их, невольно стиснув кулаки. Завязалась потасовка. Дальше события развивались так: он изо всех кулаками и ногами колотил дверь в комнату, где спрятались неприятели, и орал непонятно каким, но очень страшным матом. С головы его текла кровь, руки были разбиты. Оттащить его от несчастной двери было нереально, угрозы полицией и уговоры не действовали, это был тот случай, когда его заклинило, заклинило всерьёз.

Выносили его всем «дружественным лагерем», таща за руки, за ноги, за одежду, лишь бы он не натворил на поле боя непоправимых дел. Это действие напоминало – отступление союзных войск от стен заминированной батареи; отступали вплоть до первого этажа, угодив, в конце концов, в засаду из десятка полицейских с собакой. Здесь союзники из дружественного африканского племени встали стеной перед, пробирававшимися к разбуянившемуся к нему полицейскими. Угрожающе топая ногами, они изрыгали страшные ругательства, повергая в бешенство немецкого пса и его более спокойных коллег по цеху в красивой зелёной форме. Наконец, представителям власти удалось прорваться сквозь оборонительный редут и окружить его плотным кольцом. Не желая сдаваться без боя, он принялся сопротивляться

– Шайзе⁶! – орал он диким голосом.

Полицейские пытались надеть на его руки пластиковые наручники, но это оказалось весьма непростой задачей; он бился не на жизнь, а на смерть. Вероятно, читатель думает, что автор преувеличивает? Нисколько! Разозлившись от собственного бессилия и невозможности выйти из окружения, он принялся крушить стены, сначала кулаками, затем головой.

Наконец, ему не осталось другого выбора, как внять голосу разуму и подчиниться требованиям полицаев. Ночь он ночевал в камере в городском полицейском участке. Похмелье, хоть и оказалось суровым, но он выстоял и, вернувшись в лагерь, созвал «совет старейшин». Вопрос стоял ребром: война или извинения! В итоге «старейшинам» удалось примерить враждующие стороны, его обидчика (того, кто ударил его стеклом по голове), привели только после того, как получили гарантии, что его не тронут. Итак, мир между народами был восстановлен. Сразу после этого происшествия он попал на какой-то национальный праздник бывших противников, где ему открылась удивительно простая истина: не бывает плохих людей, бывают плохие дни...

Один из таких дней в его жизни оказался позади. Впереди ждали новые дни, и совсем не обязательно они сулили быть плохими...

...

Сидя в тюремной камере, куда он угодил за нелегальный переход границы внутри Евросоюза, он вспоминал один эпизод, случившийся несколькими годами раньше.

---

⁶ Труднопереводимый немецкий «фольклор».

Неудавшийся штурм

Его встреча с лидером молодежной неонацистской организации произошла неожиданно. В то время он проживал время в австрийском Моцартбурге. Вернее он был знаком с Мануэль Рейцелем раньше, но тогда он ничего не знал о его политических наклонностях и о его увлечении нацистскими идеями. Они были коллегами по боксёрскому клубу и проводили много времени вместе в спортзале и на соревнованиях. Им приходилось нередко спарринговать друг против друга, так как они находились в близких весовых категориях (он в полутяжёлой, а Ману в супертяжёлой), и доходило до того, что он несколько раз посылал Ману в нокаунт. Однако, несмотря на это, приятельские отношения между ними не испортились, каждый из них отдавал себе отчёт, что это всего лишь спорт.

В то время он работал секьюрити, он охранял небольшой кнап (ночной клуб) в центре города, где в основном собирались «ауслэндеры» (иностранцы), как раз из тех стран, которые вызывали особую неприязнь у нео-наци или местных «патриотов», как хотите. До него этот клуб уже однажды брали приступом, устроив там кровавую разборку. Кто это был неизвестно. Вообще, на той улице, где находился кнап, то и дело возникали беспорядки и потасовки; конфликтовали все со всеми, бурно отмечая выходные дни – *Wochenende*. Несмотря на то, что совсем рядом с клубной зоной находился полицейский участок, а на столбах повсюду были установлены камеры слежения, конфликты вспыхивали с неизменным постоянством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.